

Мкртчян
Фрунзик
Рангбер
Фрунзик

16.04.04

КУМИР

Первый бокал в новогоднюю ночь 94-го армяне пили без звона и молча... Тридцать первого декабря Ереван простился со своим кумиром — Фрунзиком Мкртчяном. Из-за военных действий с Азербайджаном Армения находилась в блокаде, в домах не было ни света, ни тепла... Прощание с любимым артистом затянулось, хоронили Фрунзика уже в сумерках. Стоявшие на обочинах машины фарами освещали темные мостовые. Тысячи людей вышли на улицы с зажженными свечами. Гроб с телом артиста несли по живому многокилометровому освещенному коридору.

Фрунзику было всего 63... По законам гор еще юнец...

— Фрунзик желал смерти, он рвался к ней, он мечтал о ней, жестоко гася в себе жизненные инстинкты, — говорит его друг, известный актер и режиссер Хорен Абраамян. — Его не время погубило и не пристрастие к вину и табаку... Нет, он сознательно шел к своей гибели, не имея сил пережить болезнь сына и жены — огромное семейное горе.

Артиста нашли мертвым в темной промерзшей квартире. Он стоял, обняв мраморный постамент, на котором комнатные часы отбивали последние отпущенные ему для жизни часы...

В последние минуты с Фрунзиком находился его сын от второго брака — Вагген. Дочка Нуна к тому времени вышла замуж за студента из Аргентины и уехала с ним на его родину. Со своей третьей женой, Тамарой, Фрунзик поссорился, а ее не видел дома целый месяц. Вагген сидел на диване с безучастным видом. То, что происходит с отцом, он уже не способен был осознать. Врачи в Париже поставили Ваггену страшный диагноз: психически болен.

Ко всему прочему, вернувшись из Франции, Фрунзик узнал о смерти своего лучшего друга, народного артиста Армении Азада Шеренца. С горя он запыл...

— Было время, когда Фрунзе был мне отцом, — говорит его младший брат Альберт Мкртчян. — В последние месяцы отцом для него стал я: стирал его вещи, готовил для него супы. В день его смерти, 29 декабря, я заехал к нему утром домой, чтобы отвезти на панихиду по Азаду Шеренцу, с которым они всю жизнь были не разлей вода. Уже на первом этаже я услышал его крики. Поняв, что Фрунзик напился, я отпустил машину. До вечера я просидел около постели брата, он, не переставая, говорил об одном — о своем театре. По всей Армении не было света. Фрунзе включил магнитофон, который работал от аккумулятора, и поставил кассету с "Адажио" Альбини. В последнее время он часто слушал эту мелодию: разбирал драматургию музыки для нового спектакля. С театром у брата были связаны последние надежды... За три недели до смерти он с сыном Ваггеном поехал в Париж и вернулся полностью опустошенным. Психиатры из армянской диаспоры определили у его любимого сына наследственную болезнь... В тот страшный день, 29 декабря, я с трудом уговорил брата постыть, уложил в кровать и Ваггена. А вечером из дома никак не мог до них дозвониться и почувствовал, что случилось страшное... Однажды у меня уже было подобное предчувствие. Фрунзик тогда уехал в Москву на съемки фильма "Мимино". В четыре часа утра я проснулся и стал звонить брату в гостиницу. Он взял трубку с первого же звонка. Я говорю ему: "Ты чего не спишь?", он тихо ответил: "Слушай, сейчас рядом со мной скончался один человек..."

"За кражу 5 метров бязи отцу Фрунзика дали 10 лет лагерей"

Город, в котором родился Фрунзик Мкртчян, — Ленинакан — ныне переименован в Гюмри. От дома, где жила семья артиста, остался лишь фундамент. Во время землетрясения 1988 года он полностью разрушился. Теперь на его месте стоит трехэтажный дом из красно-серого туфа.

Сосед Мкртчян Давид Ахоян вспоминает:

— Родители Фрунзика — отец Мушег и мать Санам — были детдомовцами. Обоих пятилетними нашли прямо на дороге. Многие армяне, спасаясь от турецкой резни, теряли в годы геноцида своих близких. Люди с одинаковой судьбой, они познакомились на текстильном комбинате, который в 30-е годы построили в Ленинакане. Мушег работал табельщиком, а Санам в столовой посудомойкой. В 30-м году у них родился первенец, которого нарекли в честь советского полководца Фрунзе. Помню, Мушег все время показывал рисунки своего старшего сына. Он мечтал, что Фрунзик станет хорошим художником.

— Брат с десяти лет на площадке второго этажа, где мы жили, показывал для детей театральные представления, — рассказывает, в свою очередь, Альберт Мкртчян. — Позже, когда он стал участвовать в спектаклях драматического кружка, расположенного напротив Дома культуры, на игру Фрунзика собирался смотреть весь поселок. А отец, бывало, кричал: "Что это за профессия — актер?" Однажды он пришел к Фрунзику на спектакль, брат ждал страшных последствий... Домой отец вернулся в тот вечер очень поздно, когда мы уже легли спать. В темноте он долго смотрел на Фрунзика, потом снял ботинки и лег в ногах у брата — как преданная собака... Утром он сказал Фрунзику: "Молодец, ты хорошо играл".

Но глава семьи Мушег упорно продолжал каждое утро заставлять сына рисовать. Однажды, когда Фрунзик воспротивился, он ударил его

С братом Альбертом Мкртчяном.

ЯРОСЛАВ РОШТИКИН

железной линейкой по рукам. А вечером его арестовали... Текстильный комбинат, где работали родители Фрунзика, выпускал бязь, или, как ее называли в те голодные послевоенные годы, "белое золото". Многие работники обматывали ноги под брюками кусками ткани, и кто по полметра, кто по метру проносили их через проходную. Воровали бязь, чтобы прокормить детей. В тот день "попался" один Мушег Мкртчян. За кражу пяти метров ткани ему дали десять лет лагерей. Срок отбывал он под Нижним Тагилом, валил лес.

— Фрунзик родился и вырос в квартале, который именовался Полигонным, — говорит Хорен Абраамян. — Этот поселок в Ленинакане считался бандитским. Он застал войну, голод и холод. Отец у него был пьяным человеком. С детских лет Фрунзик знал жизнь в самом худшем ее проявлении. Но не ожесточился, вырос добрым. Во многом это заслуга его матери Санам. Фрунзику передано ее необычное чувство юмора. Он мог замечать смешное в обычной жизненной ситуации и жить не мог без розыгрышей.

— Работая в государственном театре Ленинакана, Фрунзик познакомился с актером, который стал его закадычным другом на всю жизнь, — рассказывает Альберт Мкртчян. — При знакомстве Азат Шеренц налил брату в стакан из-под чая водку и сказал: "Ты талантливый, ты должен выпить, потому что все талантливые актеры были алкоголиками". Фрунзик выпил... Вряд ли он знал тогда, что эти слова окажутся пророческими.

Вскоре имя Фрунзика Мкртчяна узнала не только вся Армения, но и весь Союз. Играл в Ереванском театре имени Сундукяна, в 66-м он снялся в "Айболите-66", в "Кавказской пленнице", в 69-м — в картине "Не горюй", в 77-м — в "Мимино"...

"Почему носы у других такие маленькие?"

— Гоголь говорил, что мы не видим наших носов потому, что они находятся на Луне. А Фрунзик никогда не страдал комплексом неполноценности?

— Он вполне философски относился к тому, что многие считали его обладателем большого носа, и частенько признавался, что еще сизмалства больше задумывался не над тем, почему, видите ли, у него нос массивный, а почему это они, носы, у других такие маленькие, — говорит брат Альберт. — Он часто подшучивал над своим носом, чтобы другие не подтрунивали над ним. Это типично для талантливых людей.

— Как только Фрунзик появился у нас в театре, он сам начал рассказывать всем анекдоты про свой нос, — вспоминает Хорен Абраамян. — И через неделю все перестало замечать, какой такой нос у Мкртчяна...

Между прочим, расписывался Фрунзик весьма своеобразно: ставя автограф, он буквально одной линией прописывал-вырисовывал свой профиль с массивным носом... "У Фрунзика нос даже не был большим, — смеется закадычный друг Хорен. — Просто он у него начинался не отсюда..." — показывает он на середине лба.

— Известно, что у Фрунзика было и другое имя — Мгер.

Таким видел отца Вагген.

Она дала ему божественный талант и неизлечимую болезнь жены и сына

— Однажды Ереванский театр имени Сундукяна поехал в Бейрут на гастроли, — вспоминает Альберт Мкртчян. — Армянская диаспора настолько полюбила Фрунзика, что стала называть его Мгером, что по-армянски означает "светлый, солнечный". Это имя можно встретить у армянских царей, в армянском эпосе.

— Правда, что у вашего брата было два паспорта?

— Да, в одном было написано "Фрунзе Мкртчян", в другом — "Мгер Мкртчян". Вторым документом, который ему сделали друзья, он очень гордился. Но вскоре он потерял и тот, и другой паспорт. Иной раз брат говорил: "Мне не нужны ни деньги, ни документы. Меня и так везде узнают и принимают".

Когда Даниила и актерам вручали премии за "Мимино" в Государственном Кремлевском дворце, охрана перекрыла вход артистам: "А у вас пропуска есть, товарищи?" Пока Даниила и Кикабидзе рылись в карманах, Фрунзик строго спросил: "Разве иностранные шпионы в Кремль без пропусков ходят?!" Всех пропустили без бумажек...

Популярность самобытного армянского актера не знала границ... Известный фотохудожник Георгий Тер-Ованесов, которого Фрунзик считал своим старшим братом и духовным наставником, вспоминал: "Как-то мы отправились с Фрунзиком навестить приятеля, которого посадили. Приезжаем в колонию. Размещаемся неподалеку в открытом ресторане. Фрунзик ненадолго уходит и вскоре приводит нашего друга — эска вместе с начальником тюрьмы. "Ребята, — говорит начальник, — чтоб к отбою ваш друг был в зоне". Сам уходит. Рассстались мы с другом только под утро".

Жан-Поль Бельмондо советского экрана — Фрунзик Мкртчян, которого многие считали бальнею судьбы. Его талант признавали коллеги, его преследовали поклонники, он был трижды женат на красивейших женщинах Армении. Фрунзик Мкртчян мог позволить себе путешествовать по миру без документов и денег. Он с юмором относился к своему массивному носу и сам придумывал о себе анекдоты. Но даже когда он смеялся, его глаза оставались грустными. Мало кто знал, насколько гениальный артист был несчастлив. У него было два имени и два паспорта. У него было две судьбы. О второй спустя 10 лет после смерти Фрунзика Мкртчяна корреспонденту "МК" на родине артиста рассказали его родной брат, друзья, соседи.

ПО ЗАКОНУ ГОР

"Ленин на броневике"

— Когда Фрунзик появился в нашем ереванском театре, я спросил его: "Ты что заканчивал?", он, не моргнув глазом, ответил: "Музыкальный техникум по классу виолончели", — рассказывает Хорен Абраамян. — Когда я наших оркестрантов попросил инструмент и попросил Фрунзика что-нибудь сыграть, он, отчаянно жестикулируя, закричал: "Зачем я буду играть, у меня есть бумага, что я учился..." Тогда мы вместе долго смеялись, и я стал звать Фрунзика Виолончелистом.

Мы постоянно друг друга разыгрывали. Во время съемок мы старались уйти подальше друг от друга, иначе серьезно работать не удавалось. Даже на похоронах мы заранее договаривались, кто где будет стоять... Удержаться от подколов ни один из нас не мог.

С творческих капустников, которые в театре нередко затягивались до утра, мы выходили на улицу и вытворяли такое... Помню, хорошо выпившие, мы выкатились однажды в 5 утра на центральную площадь, где стоял огромный памятник Ленину и трибуна, и устроили свой парад... Там всегда находился дежурный милиционер, но Фрунзика это не смущало, отказать ему было невозможно. Он залезал на трибуну и начинал распределять всем роли. Один из нас был Генеральным секретарем, другой — министром иностранных дел, третий — членом Политбюро. Фрунзик чаще всего изображал народ. На наши лозунги с трибуны он "из толпы" выкрикивал всякие ругательства... Когда милиционер хватал его за шкирку, он возмущенно кричал на всю площадь: "Это кричал не я, кто-то из демонстрантов..."

Мог Фрунзик с криками и воплями остановить и поздний трамвай. Забравшись на крышу, он изображал Ленина на броневике...

— Как истинно кавказский мужчина, он был гурманом.

— Вы не поверите, застолье Фрунзик вел так, что заслушаешься, а вот к изысканной еде был очень равнодушен, — говорит Хорен Абраамян. — Ему достаточно было кусочка колбасы или сыра с зеленью.

С Галиной Польских в фильме "Суета сует".

— Друзья отмечали, что Фрунзик никогда не обращал особого внимания на свою одежду.

— Последние годы он одевался очень хорошо. Его московский друг, фотохудожник Георгий Тер-Ованесов, помог шить Фрунзику парадный костюм с жилеткой из синей английской ткани. В нем Фрунзик, кстати, снялся в фильме "Мужчины" у Эдмонта Кеосаяна.

"И тогда я засмеялся ему в нос"

— У Фрунзика были любимые роли?

— Как скажешь, какой ребенок любимый — здоровый или больной? — говорит Альберт Мкртчян. — Все роли для актера дороги, потому что в каждой остается часть его души, после съемок актер просто стареет... А самой драматичной его ролью была роль почтальона в моем фильме "Без прошедших дней". Это во многом автобиографичный фильм. У нас во дворе во время войны жил инвалид, который вернулся с фронта в Ленинакан и работал почтальоном. Однажды нам, пациентам, дали похоронку. Мы обрадовались и с криками "ура!" принесли конверт пожилой женщине. Мы думали,

что это письмо с фронта... Фрунзик на всю жизнь запомнил этот случай. В фильме он должен был играть человека, который приносит матери похоронку на ее последнего, четвертого сына... Он чувствует, что если сделает это, то просто сойдет с ума. И возле церкви почтальон начинает этот бумажный конверт есть... Этот эпизод мы снимали в городе нашего детства, в Ленинакане. Фрунзик три дня не выходил из гостиничного номера, пил. Потом вышел, небритый, с синяками под глазами, и сказал: "Я готов сниматься в этом эпизоде". С ролью он играл, как кошка с мышкой, — три дня он превращался в старика-инвалида.

— "Мужчины не плачут, мужчины огорчаются". "Эти Жигули" чем думают... я не знаю...", "Валик-джан, я тебе один умный вещь скажу, только ты не обижайся..." — эти фразы, произнесенные Фрунзиком в "Мимино", стали поистине крылатыми. Говорят, большинство из них придумал сам артист.

— Вполне возможно. Я помню, брат рассказывал режиссеру Георгию Даниила реальную историю. Один чиновник предложил Фрунзику деньги с тем, чтобы он выступил на попойке обкомовцев. А Фрунзик "засмеялся ему в нос..."

Между тем на съемках "Мимино", по воспоминаниям съемочной группы, Фрунзик, не прекращая, пил. Даниила, просматривая очередную порцию рабочего материала, поставил Фрунзику жесткое условие: или съемки, или пьянка. Актер не пил ровно десять дней, после чего пришел к парадоксальному выводу: "Я понял, почему бездарности заволаивали весь мир! Они совсем не пьют, встают утром все такие бодрые и все силы тратят на карьеру". И после вздоха добавил: "Это ужасно!"

"Пил Фрунзик много, — вспоминал Георгий Тер-Ованесов. — Были даже проблемы с печенью. Но никогда в жизни он не зашивался. Хотя от алкоголизма лечиться пытался. Садясь за руль, пьяный вдрабадан Фрунзик вдруг становился совершенно трезвым и лихо управлял автомобилем на крутых серпантинах горных дорог. Зато, приехав в гараж, мог положить голову на руль и проспать так до самого утра".

"Чаплин женился не то пять раз, не то семь. Чем я хуже?"

— Обаяние Фрунзика как магнитом притягивало к нему представительниц прекрасного пола?

— Женщины им очень интересовались, причем независимо от их возраста, — говорит Хорен Абраамян. — Когда мимо нас, молодых, проходила красивая девушка и я не обращал на нее внимания, Фрунзик толкал меня в бок и говорил: "Ты почему не знакомишься, такую красавицу ведь больше можешь не встретить..." У него был повышенный интерес к женскому полу.

— Но ни одна из трех жен не сделала его счастливым?

— В семье Фрунзик был очень несчастлив. Только он один мог подобрать таких жен, которые изо дня в день его третируют, были настоящими язвами. У него в доме не было домашнего уюта. И пил он так страшно, я думаю, потому, что ему не хватало теплых отношений в семье.

— Все жены у актера были актрисами?

— Первая жена Кнарик была простой женщиной. Фрунзик тогда был молодой, им негде было жить... Потом появилась ослепительная красавица Дана. Она приехала из Ленинакана поступать в театрально-художественный институт и попросила Фрунзика помочь. У нее были очень красивые глаза, Фрунзик влюбился... Вскоре у них родилась дочка Нуна и сын Вагген. Долгое время они вместе работали в Ереванском академическом театре драмы имени Сундукяна. Вместе снимались в "Кавказской пленнице". Дана исполнила в фильме роль жены Фрунзика, который играл водителя Саахова.

"Беды в семье Фрунзе начались с той поры, как неожиданно тяжело заболела Дана, — вспоминал Георгий Тер-Ованесов. — Психическое расстройство, связанное с нарушением эндокринной системы, не позволило ей работать. Дома творился ад. Жена металась из угла в угол, на почве тихого помешательства ревнуя мужа к каждой женщине, увиденной вместе с ним на экране. Пришлось поместить Дану в психиатрическую клинику во Франции. Та же болезнь передалась и его сыну Ваггену. Перепробовав все средства местной медицины, Фрунзе вынужден был повезти его в Париж. Но и тамощные медицинские светила сделать ничего не смогли. Выскокого, красивого мальчика отправили в ту же психиатрику, в которой лежала мать. Болезнь с каждым днем прогрессировала. Встречаясь иногда в коридорах, мать и сын даже не узнавали друг друга. Несчастная Дана мучается до сих пор. Вагген скончался год тому назад".

— О красоте его третьей супруги ходили легенды...

— Тамара была дочерью председателя Союза писателей Армении Грачи Оганесяна. Она была необычайной красоты женщина. На всех трех свадьбах я был у Фрунзика свидетелем. Когда появилась Тамара, я сказал Фрунзику: "Не много ли раз мы ходим в загс?" На что он ответил: "Чаплин женился не то пять раз, не то семь, чем я хуже его?" Фрунзик переехал в четырехкомнатную квартиру. Но и этот брак оказался неудачным.

Народный депутат

— Фрунзик был неофициально народным депутатом, — говорит брат Альберт. — Он помогал родственникам, друзьям, соседям и совершенно незнакомым людям. Спустя месяц после смерти нашей матери к нам постучалась в дверь изможденная женщина. Узнав, что наша Санам скончалась, она забилась в истерику и все время повторяла: "Мои дети теперь умрут..." Оказавшись, наша мать пообещала поговорить с Фрунзиком насчет квартиры для несчастной. Женщина жила без мужа, с пятью детьми в съемной комнате. Я глянул на Фрунзика и понял, что душа его плачет. Он сказал только одно слово: "Хорошо". Он пошел в ЦК, где его все уважали, и через три месяца Фрунзик выбил для женщины и ее детей квартиру. Он никогда помногу не разглаживал, больше дела делал тихо, без помпы.

— Я очень удивился, когда Фрунзик создал свой театр, — говорит Хорен Абраамян. — Для себя он никогда ничего не выбивал. Но в этой своей идее был удивительно последовательным. После его ухода из жизни театр развалился, теперь Альберт Мкртчян его восстановил, и скоро состоится первый спектакль.

"Как любили Фрунзика в Ереване, не любили больше никого", — говорит друг друга артиста. И по сей день в горной стране везде — в офисах, в магазинах, на рынках, в сапожных мастерских — висят его портреты. Армения улыбается миру улыбки самого грустного армянина — Фрунзика Мкртчяна.

Светлана САМОДЕЛОВА,
Гюмри — Ереван — Москва.